

О.В. Чернышева

МУСУЛЬМАНЕ В ШВЕЦИИ¹

До 1960-х гг. Швеция в этническом и языковом отношении оставалась одной из наиболее гомогенных по составу населения стран Западной Европы. Небольшое количество саамов на севере (ок. 15 тыс.) и финнов вдоль шведско-финской границы (ок. 20–30 тыс.) не влияло на общую картину культурной жизни страны, которая долгое время оставалась однородной и в религиозном отношении: все ее граждане по рождению становились членами Евангелическо-лютеранской шведской церкви.

Но к концу XX в. состав населения Швеции заметно изменился. В результате массовой иммиграции во II половине XX в. в Швеции проживают люди, говорящие на 140 языках мира. Здесь появились районы, где иммигранты составляют 75 % населения и более. Среди 9 млн граждан Швеции в начале XXI в. 18 % составляют люди, родившиеся вне ее пределов или их потомки. Среди этого многонационального и поликонфессионального населения немалую часть составляют мусульмане.

Первые известные мусульмане появились в Швеции в XVIII в. Они прибыли вместе с Карлом XII после его долгого пребывания в Турции, где он оказался в результате поражения под Полтавой. Но их было немного, это были кредиторы, которым король должен был вернуть долг.

Большие группы иммигрантов-мусульман возникли в Швеции после Второй мировой войны, когда остро ощущался недостаток рабочей силы и власти приступили к организованному набору рабочих за рубежом, в первую очередь на европейском юге. В 1960–1970-е гг. в Швеции были уже не только большие группы югославов и турок, но и меньшие группы из Ирана, Марокко, Пакистана, Уганды, Египта и других африканских и азиатских стран.

Количество мусульман быстро увеличивается за счет естественного прироста населения и продолжающейся иммиграции, хотя после 1989 г. допускаемой с большими ограничениями. К середине 1990-х гг. в Швеции проживали 200–250 тыс. этнических мусульман, т.е. людей, происходивших из семей, исповедовавших ислам. Из них 70–80 тыс. значились как активно участвующие в религиозной жизни. Через 10 лет говорилось уже о 400 тыс. мусульман, из которых 100 тыс. — активно верующие, а в конце 2006 г. — уже о 450 тыс.² Преобладающее большинство составляют турецкие иммигранты.

Надо иметь в виду, что большая часть иммигрантов-мусульман прибыла в Швецию по причине религиозных преследований, а другая — чтобы освободиться от давления религиозных традиций на образ жизни. В то же время некоторые стали активными верующими, только попав в Швецию, что является стихийным или осознанным желанием сохранить собственную идентичность. Процент религиозности варьирует в зависимости от страны происхождения, например, среди выходцев из Ирана доля активно верующих составляет около 20 %, в то время как среди выходцев из Турции их почти 90 %³.

Таким образом, шведские мусульмане различаются по своему этническому происхождению, языку, культуре, религии, образовательному уровню, экономическому положению, политической ориентации и жизненному опыту. Поэтому иммигранты-мусульмане не представляют какой-либо однородной группы, это может быть темнокожий сомалиец и блондин-босниец из бывшей социалистической Югославии. По наблюдению шведских ученых, мусульмане, прибывающие в Швецию в качестве иммигрантов, отличаются от мусульман в других странах: многие неграмотны и не имеют образования, среди них нет работников культуры или религиозных деятелей. Поэтому лидерами в мусульманских общинах в Швеции нередко становятся те, кто лучше умеет читать Коран⁴. Этой же причиной объясняется и то, что принявшие ислам шведы, в том числе и женщины, обычно занимают видные позиции в своих общинах — благодаря владению языком и знанию шведских реалий они могут общаться с властями и обычно занимают вышние должности в местном самоуправлении.

Большая часть мусульман в Швеции — это промышленные рабочие, проживающие в крупных городах: Стокгольме, Гётеборге, Мальмё, Вестеросе, Трольхеттане, Эскильстуне, Йёнчёпинге, Мариестаде. Многие также заняты в сфере общественного питания и торговли. Большинство заняты неквалифицированным трудом и в сфере обслуживания. Этнологическое исследование, посвященное туркам, показывает, что они в 3 раза чаще, чем шведы, болеют, чаще появляются в списках больных длительное время (90 дней и более), среди них наибольшее число досрочных (по болезни) пенсионеров, они менее подвижны в поисках лучших условий труда и дольше остаются на неквалифицированной работе, за которую не берутся шведы. Образовательный уровень первого поколения низкий, матери семейств в большинстве своем неграмотны⁵.

Среди 7 % шведского населения, живущих на пособие, большинство составляют иммигранты. Причем в середине 1990-х гг. у курдов и турок 45 % жили на пособия, а у сомалийцев — практически все⁶.

На родине у мусульман религиозная жизнь неотделима от общественной, и поэтому отсутствует необходимость в приходах в их европейском понимании. Здесь же они вынуждены создавать приход, чтобы вписаться в шведскую систему церковно-государственных отношений. Ведь в эпоху, когда существовала государственная церковь (т.е. до 2000 г.), свободные религиозные общины имели право на государственное пособие, и его размер зависел от величины религиозной общины. После ликвидации государственной церкви практика поддержки религиозных организаций сохранилась. Поэтому мусульманам в Швеции пришлось создавать свои организации, которые здесь по-шведски называются приходами, а иногда — культурными центрами. Объединение таких приходов в общенациональном масштабе дает право этой организации на государственное пособие, т.е. они приравнивались в правах к свободноцерковным общинам, имеющим центральное правление. Это государственное пособие предназначено для оплаты нанимаемого помещения, строительства собственных церковных зданий и их ремонта, работы священнослужителей и руководителей различных молодежных кружков. Единственное условие получения пособия — община должна насчитывать не менее 3 тыс. членов или постоянных прихожан и заниматься общественно-полезным делом. Поэтому мусульманским объединением пришлось вести учет своих приверженцев.

Свою цель эти мусульманские приходы видели в строительстве мечетей для общественно-религиозной деятельности и создании при них школ для детей. Трудности проистекали оттого, что большинство шведских мусульман были люди с низкими доходами, к тому же многие из них свои заработки посылали семьям на родину. Другая трудность — отсутствие общего языка и недостаток знания шведского большинством. Школа в Мальмё, например, обучала детей на четырех языках, а в Гётеборге — на двух.

Пока собственных мечетей, особенно в 1970–1980-е гг., было недостаточно, приходы использовали для молитвенных собраний квартиры или другие съемные помещения. Но они не воспринимались как настоящие мечети, к тому же надо было обустроить отдельные помещения для мужчин и женщин, хотя на родине женщины не имели обычая посещать мечеть регулярно.

Мусульманские приходы объединены в трех общенациональных шведских организациях:

1. Объединенные исламские приходы в Швеции (FIFS), большинство членов говорят на арабском языке.

2. Мусульманский союз Швеции (SMUF), большинство членов которого составляют турки. В 2006 г. союз насчитывал 75 тыс. человек.

3. Исламский союз культурных центров (IKUS). Члены этого союза — правоверные последователи ислама.

Это организационное разделение не связано с двумя направлениями в исламе: шиитским и суннитским. В Швеции представлены и те, и другие, но большинство составляют сунниты.

Кроме этих мусульманских организаций, в Швеции имеются две исламские секты. Первая — движение Ахмадийя, лидер которого, халиф, находится в Пакистане, а отделения этого движения в Швеции были зарегистрированы в Стокгольме, Гётеборге и Мальмё. Оно небольшое по численности, и все его адепты занимаются миссионерством. Другая секта — исмаилиты, представленные здесь беженцами из Индии и Уганды, проживающими в разных городах Швеции, центр которых находится в г. Векшё⁷.

Границы между отдельными частями мусульманского сообщества в Швеции пролегают не по линии сунниты–шииты, а по отношению к тому, как понимается роль ислама в современном обществе. С этой точки зрения выделяются несколько направлений: *модернизационное*, близкие друг другу *традиционалистское* и *фундаменталистское*, и *секуляристское*. Это не какие-либо оформленные течения, а скорее тенденции, более или менее осознанные их носителями. Один и тот же человек может быть убежденным традиционалистом в одних вопросах и секуляристски настроенным — в других.

Сторонники модернизационного направления считают, что общество должно строиться на исламских ценностях, истолкованных с точки зрения сегодняшнего дня, и более склонны к компромиссам. Если обстоятельства не позволяют, то можно утешиться тем, что в душе ты остался мусульманином. Например, если нет условий для проведения молитв в рабочее время, то можно отнести их на вечер, мясо со шведских скотобоен можно есть, если произнести над ним слова, которые произносят при забое скота мусульмане. К этому направлению относятся многие выходцы из арабских стран.

Последователи традиционализма убеждены в том, что весь исламский образ жизни должен быть без изменений вписан в шведскую действительность. То есть роли в семье остаются неизменными, и поэтому они часто оставляют женщин на родине, чтобы те не «заразились» шведскими обычаями, с этой же целью подросших девочек отправляют на родину.

Дети, посещающие детские сады, не только не едят свинины, но и не должны есть даже марципановых свинок. К традиционалистам относится большая часть турок.

Каждый поступок человека, согласно представлениям фундаменталиста, должен быть обоснован Кораном и суннами. Поэтому конфликт со шведской

реальностью возникает у них на каждом шагу. Например, как осуществлять пост летом, когда в ряде районов страны летом светло целые сутки.

Приверженцы секуляристского направления пытаются в большей степени сохранить не религиозную, а национальную идентичность, признавая и соблюдая основные мусульманские обряды: свадьба, похороны, обрезание мальчиков. Они относят религию целиком к сфере частной жизни.

Таким образом, различия между отдельными направлениями ислама и суннитами и шиитами довольно большие, но не они создают непреодолимые границы, а языковые и национальные отличия. Поэтому мусульмане Швеции в большей мере группируются по национально-языковому принципу.

В отличие от западноевропейской традиции, разделяющей религиозную и светскую сферы жизни, в исламе это исключено. Коран устанавливает конкретные правила жизни человека во всех возможных ситуациях: женитьба, развод, наследование, похороны. Эти правила считаются данными богом, и человек не может изменить их или приспособить к гражданскому законодательству. И никакой закон, принятый людьми, не может сравниться по своему значению с божественным установлением. Соответственно преступление против исламского образа жизни — преступление против Бога. Религия не отделена от образа жизни, и небезосновательно говорят об исламе не как о религии, а как о культуре. Поэтому не случайно исламские приходы в Швеции называются исламскими культурными центрами.

Таким образом, возникает мировоззренческая несовместимость ислама с западноевропейским образом жизни. Отсюда — неизбежные конфликты между мусульманскими установлениями Корана и образом жизни в современном европейском секуляризованном обществе. Например, Конституция Швеции начинается словами: «*Вся государственная власть в Швеции исходит от народа*»⁸. Далее Конституция гарантирует равенство мужчин и женщин, свободу индивидуально или вместе с другими исповедовать свою религию. Особенно большие различия наблюдаются между шведским семейным законодательством и мусульманским пониманием семьи.

С появлением в стране значительного мусульманского населения шведские власти оказались перед неразрешимой проблемой: с одной стороны, они стремятся поддерживать религиозную и культурную деятельность новых граждан-мусульман, но, с другой стороны, культурные и религиозные традиции этих граждан противоречат принятым в Швеции законам и обычаям. Это противоречие лежит в основе трудностей адаптации иммигрантов-мусульман. Хотя следует заметить, что не только мусульмане испытывают трудности адаптации в Швеции, но в их случае эти трудности усугубляются

по сравнению с теми, с которыми сталкиваются иммигранты-христиане или неверующие. Со временем пропасть между законодательством, основанном на христианских ценностях, и исламской традицией шариатских законов не становится меньше. Шведское общество, терпимо относящееся ко многим обычаям мусульман, например к отдельному питанию детей из мусульманских семей в детских садах и школах, к раздельному занятию на уроках физкультуры девочек и мальчиков, ношению девочками в школах головных платков и мужчинами своего головного убора в общественных местах, все же никогда не поддержит создание отдельных школ для девочек, не одобрит женского обрезания, нередко ведущего к хроническим болезням, досрочного окончания обучения в школе в связи с ранними браками 13–15-летних подростков, заключенными за них их родителями, и других мер, связанных с представлениями о неравноправии полов.

Права мусульман в Швеции

Статус иммигранта (*invandrare*) или беженца (*flykting*) (в обиходе их называют «инвандрае») дает право на получение ежемесячного пособия на каждого ребенка до 18 лет, пособий на квартирную плату, по безработице (если проработал не менее полугода и при этом платил взносы в специальную кассу), а также индексируемой пенсии по старости. После трех лет проживания в Швеции иммигранты имеют право (активное и пассивное) участвовать в коммунальных и областных выборах, а после пяти лет могут обращаться с просьбой о гражданстве. Практически все социальные права шведских граждан распространяются и на иммигрантов, имеющих вид на жительство.

Мусульмане, как и все иммигранты, имеют право на оплаченное время на изучение шведского языка, но только ¼ часть их используют это право. Среди иммигрантов старшего поколения нередко встречаются люди, не умеющие объясниться по-шведски. С 1977 г. дети из иммигрантских семей имеют право на обучение на родном языке, в том числе в детском саду.

С недавнего времени в некоторых областях мусульманское духовенство, в частности имамы, получило право работать в больницах наравне со священниками традиционных шведских общин, которые регулярно посещают медицинские учреждения своего прихода для встречи с медицинским персоналом и больными, нуждающимися в их поддержке⁹.

Благодаря надежному социальному обеспечению, государственной помощи религиозным иммигрантским объединениям, а также диалогу и со-

трудничеству мусульманских организаций со шведским обществом, здесь нет почвы для развития мусульманского экстремизма. В качестве противоположного примера можно привести опыт соседней Дании, где отмена пособий мусульманским организациям на рубеже XX–XXI вв. сразу привела к появлению молодежного фундаменталистского течения¹⁰.

Шведское общество и власти относятся с пониманием к стремлению мусульман соблюдать свои обычаи в иммиграции. В отличие, например, от Франции здесь не было никаких ограничений для девочек носить головной платок в школе. Когда один из директоров школы попробовал это запретить, то школьное управление вмешалось и заявило, что закон о свободе религиозной совести допускает ношение одежды и головных уборов, свидетельствующих о принадлежности к тому или иному религиозному исповеданию¹¹.

Но трудности, возникающие при встрече различных культурных традиций, требуют постоянного внимания к себе для их мирного разрешения. Готовность на компромиссы требуется с обеих сторон.

Например, как крупным, так и малым предприятиям трудно создать условия для ежедневных молитв своих рабочих. Тем не менее на больших предприятиях, например SAAB в Трольхеттане, уже давно созданы помещения для молитв. В других случаях альтернативой стало перенесение дневных молитв на вечернее время, когда рабочий находится уже дома. А общую пятничную молитву переносят на субботу или воскресенье¹².

Пост, особенно его окончание, — традиционно свободное время для мусульманина. Но предприятие не может ввести такой режим для массы рабочих. Альтернативой стало сокращение продолжительности поста. В школах, где имеется свыше 10 % детей из мусульманских семей, их освобождают от учебы в последний день поста. Труднее решить вопрос на севере Швеции, когда рамадан приходится на лето, а там светло круглые сутки (принимать пищу разрешается только с наступлением темноты).

В Швеции успешно решается вопрос с особенностями питания мусульман. Столь важный для них запрет употреблять в пищу свинину обеспечивается во всех общественных местах, начиная с детских садов, школ и кончая рабочими столовыми, больницами, тюрьмами и ресторанами. Но для мусульманских семей проблема состоит в том, что дети в саду и школе иногда хотят быть «как шведы» или боятся насмешек своих одноклассников и едят без ограничения, несмотря на родительский запрет¹³.

Для значительной части мусульман запрет распространяется также на использование в пищу «нечистого мяса», т.е. мяса скота, забитого не по му-

сульманским правилам. Для части верующих это не является центральным вопросом в исламе, и для них достаточно произнести имя Аллаха над мясом из обычного магазина, чтобы его можно было употреблять в пищу. Но другие относятся иначе и в соблюдении традиции видят способ сохранения своей исламской идентичности. Поэтому мусульмане требуют от властей обеспечения им собственных скотобоев и мясных магазинов, чтобы быть уверенными в качестве продуктов. Такие скотобойни и магазины появились в начале 1980-х гг. в крупных городах: Стокгольме, Мальмё, Трельхеттане.

В других местах заключаются договоры со скотобойнями, где в определенные дни совершается забой по всем правилам ислама. Но некоторые правоверные оспаривают допустимость такого мяса в пищу, поскольку скот, по шведским законам, до забоя подвергается усыплению. Мусульманские богословы в разных частях света обсуждают, не является ли усыпление уже собственноручно забоем, т.е. соответствует ли соблюдению правил ислама шведский способ. Проблема решается путем договоров с отдельными фермерами.

Но существует ряд требований, выдвигаемых мусульманскими организациями Швеции, которые не встречают поддержки общества и власти. Например, мусульмане Швеции испытывают большую потребность в имамах, которые были бы одновременно и компетентными учителями по вопросам шведской общественной жизни. Вопрос об этом ставился публично не один раз. В печати на эту тему выступал председатель Совета имамов Швеции, имам стокгольмской мечети Хасан Мусса (Moussa), который подчеркивал, что для успешной интеграции мусульман необходимо включение имамов в шведскую систему образования, т.е. чтобы расходы на подготовку имамов, а также последующую оплату их работы взяло на себя государство¹⁴.

При этом возникают сомнения не только в том, кто должен оплачивать работу имамов в мусульманской общине. Вопрос высшего образования по исламологии неизбежно сталкивается с проблемой научно-исторического подхода к Корану, что мусульманская сторона считает недопустимым. Поэтому шведские власти полагают, что речь может идти только о дополнительном образовании лиц, уже получивших соответствующее духовное образование у себя на родине¹⁵.

Проблема имамов остается исключительно актуальной для мусульманского сообщества в Швеции. Большая их часть прибывает сюда из Саудовской Аравии и представляет ваххабитское направление ислама. Они обычно не знают шведского языка и реалий шведской жизни и не могут стать посредниками между мусульманами и обществом, которое их окружает. Наставления этих имамов, ориентирующих верующих на потустороннюю

жизнь и проповедующих современному человеку необходимость жизни согласно учению пророка, сформулированному в VII в., не может им помочь в реальной жизни. Эти имамы запрещают мусульманам отдавать своих детей в шведские детские сады, брать заем в банке, так как рента запрещена исламом, они предостерегают их от общения со шведами и изучения шведского языка¹⁶.

Не ставит целью подготовку имамов и открывшаяся весной 2007 г. в стокгольмском пригороде Чиста первая в Швеции высшая народная школа на арабском языке, созданная по образцу шведских народных школ и предлагающая курсы для взрослых иммигрантов по арабскому языку, музыке и средствам информации¹⁷. По мысли ее организаторов, эта школа должна помочь людям приобрести профессию и адаптироваться к жизни в Швеции.

Проблема интеграции, а конкретнее — причины неудачи интеграционной политики в Швеции, все чаще становится предметом общественного внимания. В 2006 г. была завершена работа специальной комиссии, главой которой правительство назначило профессора социологии Уппсальского университета, бывшего беженца из Ирана Масуда Камали. В заключительной части отчета комиссии констатировалось, что шведская интеграционная политика потерпела крах, что все шведское общество неколебимо исходит из представления о «мы и они». В качестве выхода из такой ситуации комиссия предлагает пересмотр всей образовательной политики, «поскольку в настоящее время все учебные планы формируются на основе христианских ценностей и идей западноевропейского гуманизма»¹⁸. Представленный отчет и особенно его заключение, написанное М. Камали, вызвало жесткую критику в риксдаге. Требование отказа от общехристианских ценностей и западноевропейского гуманизма как основы образовательной политики было оценено шведским обществом как избыточное.

Мусульмане выражают настойчивое желание, чтобы в Швеции по отношению к ним действовало особое законодательство. От имени Мусульманского союза Швеции его председатель Махмуд Альдебе обратился с письмом ко всем парламентским партиям со следующими предложениями: чтобы имамы получили возможность обучать исламу и национальным языкам в коммунальных школах отдельно мальчиков и девочек, чтобы мальчики и девочки не обучались совместно плаванию, чтобы разводы среди мусульман, признанные шведским судом, получали подтверждение имама, чтобы в мусульманских анклавах были мусульманские школы, а в общеобразовательных школах было больше учителей-мусульман. Речь в этом письме также шла о мечетях и мусульманских кладбищах во всех коммунах,

где проживают мусульмане, о расширении раздела об исламе в учебнике по религиоведению, освобождении от работы мусульман в дни их священных праздников и др.

В ходе дискуссии по этим требованиям их инициатор отказался от выражения «особое законодательство», признав его неудачным. Ряд этих требований удовлетворяется местными властями, но некоторые отклоняются как чрезмерные. К подобным просьбам относятся и некоторые персональные обращения мусульман в социальное управление, например возместить расходы семье, потратившей 3,5 тыс. крон на обрезание сына¹⁹.

Проблема строительства мечетей

Наибольшей проблемой для шведских мусульман долгое время оставалось сначала отсутствие, а потом недостаток собственных помещений для встреч и молитв. Первая шведская мечеть была построена в Гётеборге, в районе Хёгсбу, но большинство мусульман не признавали ее, поскольку она принадлежала движению Ахмадия. В первой половине 1980-х гг. появились мечети в Мальмё и Трольхеттане. Их строительство прошло без какого-либо недовольства общественности, которая восприняла эти новшества как некий экзотический штрих в архитектуре своих городов.

Но с увеличением количества мусульман в стране и реализацией планов строительства новых мечетей все громче стали звучать опасения, связанные, во-первых, с созданием сегрегированных районов вокруг мечетей и, во-вторых, нарушением архитектурных ансамблей шведских исторических центров. Движение общественности против мечетей началось с конца 1980-х гг., когда стали обсуждаться планы их возведения в Гётеборге и Стокгольме. В Гётеборге в это время проживало 27 тыс. мусульман, и два суннитских прихода начали переговоры с властями о строительстве. Местные власти и епископство, возглавляемое известным деятелем Шведской церкви Бертилем Ертнером, поддержали эти планы, исходя из принципа свободы религиозной деятельности. Но жители района Бискупсгорден, где планировалось строительство, выступили решительно против. Их довод состоял в том, что этот район имеет 50 % населения, состоящего из иммигрантов, и мечеть только укрепит сегрегацию, которая уже сказывается на оттоке шведов, так как в начальной школе 80–90 % детей из иммигрантских семей, и поэтому шведские дети не могут здесь полноценно обучаться родному языку и культуре. Кроме того, оставшиеся жить в этом районе шведы выражали беспокойство тем, что они больше не чувствуют себя здесь дома²⁰.

Вторым очагом напряженности стал Стокгольм. Местная мусульманская община купила старое здание электростанции в южной части шведской столицы, построенное в начале XX в. в мавританском стиле знаменитым архитектором Фердинандом Бубергом (Boberg). Жители образовали Союз друзей Сёдермальма, который руководил действиями, направленными против возведения здесь мечети. Но протесты, как и в Гётеборге, не возымели действия, и здание бывшей электростанции было отреставрировано, а на месте машинного зала появилась молельная часть мечети.

В дальнейшем строительство мечетей продолжалось, но протестов населения не было, даже когда мечеть возводилась в древнем христианском центре Швеции Уппсале. Решения о новых мечетях, которые становятся культурными центрами мусульман, обычно поддерживают коммунальные власти, рассчитывая, что это будет способствовать интеграции иммигрантов и их взаимопониманию с местными жителями. Первоначально не было единства взглядов на проблему мечетей внутри политических партий страны, но постепенно противостояние сошло на нет.

Истинное отношение шведов, воспитанных в духе толерантности, возможно, в большей степени отражают социологические данные. Так, опросы, проведенные в середине 1990-х гг., показывали, что 80 % шведов настроены против строительства мечети на их малой родине, а 30 % — против строительства мечети где бы то ни было в Швеции. Данные, полученные Интеграционным управлением в середине следующего десятилетия (2006), показывают, что 40 % опрошенных полностью или частично против того, чтобы мечети строились вблизи их места жительства²¹.

В течение 2005–2006 гг. были приняты новые планы строительства мечетей в городах Шёвде и Умео, где, в частности, будет построена самая северная мечеть с 22-метровым минаретом²². Духовенство Шведской церкви и христианские демократы расценивают позитивно факт появления мечетей на территории Швеции. На их строительство обычно поступают средства, собранные мусульманами других стран, где имеются более крупные и состоятельные мусульманские сообщества: мечеть в Трольхеттане, например, строилась на средства, полученные из Англии, а реконструкция здания электростанции в Стокгольме осуществлена на средства из ОАЭ. Тем не менее мечетей не хватает, и в небольших населенных пунктах или удаленных районах больших городов мусульманские приходы по-прежнему снимают частные здания или отдельные помещения для своих встреч и молитв.

Организации Швеции, осуществляющие строительство мечетей, учитывают пожелания заказчиков: молельную часть шведские рабочие должны

возводить в перчатках, чтобы не осквернять ее руками неверных, а также на той стороне здания, которая обращена к Мекке, не должны располагаться туалеты.

Школа и столкновение культурных традиций

Поле взаимодействия двух различных культурных традиций, европейско-христианской и мусульманской, стала обязательная общеобразовательная 9-летняя шведская школа. Осенью 1993 г. в стокгольмском пригороде группа учеников из мусульманских семей потребовала освобождения их от ряда обязательных предметов. Речь шла не только об исключении из школьного курса религиоведения того, что не касается ислама, но и полностью предметов: географии, истории, музыки, английского языка, гимнастики, рисования и сексуального просвещения. На это школьный инспектор ответил, что они пришли в шведскую школу, где имеются свои законы и правила.

Вместе с тем сначала в одной из коммун Смоланда, а потом и других областей стали заключаться соглашения между представителями местных мусульманских объединений и руководством школ, в которых оговаривались вопросы питания, поста и всех сторон жизни учеников-мусульман. Так, на уроках гимнастики и в школьных душевых им разрешалось оставаться в нижнем белье, в школьные летние лагеря родители могли приезжать и оставаться ночевать со своими детьми или увозить их вечером домой и привозить утром, разрешалось брать с собой в школу завтрак или ходить завтракать домой во время перемены. Важным условием, с точки зрения мусульман, в этих соглашениях являлось то, что эти дети не должны участвовать в школьных праздниках, связанных со шведскими христианскими традициями, и др.²³

Мнение руководства шведским школьным образованием состояло в том, что сохранение своей культуры важно, но в школе должны действовать шведские правила. Положение обострилось в первое десятилетие XXI века, при новом коалиционном правительстве Фредрика Райнфельдта, сменившего социал-демократический кабинет Ёрана Персона осенью 2006 г.

В обычных общеобразовательных шведских школах учебный год традиционно заканчивался коллективным походом в церковь на специально подготовленное к этому событию богослужение. Детям, родители которых не хотели, чтобы их дети участвовали в христианском богослужении, была предоставлена возможность не посещать их.

В последние десятилетия XX в. эта традиция окончания школьного учебного года и коллективное посещение школьниками церкви в связи с Рождеством и Пасхой вызывали нарекания со стороны части родителей, среди которых были мусульмане и часть неверующих шведов. Они обратились к омбудсмену по вопросам дискриминации с жалобой на сложившийся порядок, в которой подчеркивали нежелательность присутствия в школе на выпускном годовом собрании церковного настоятеля. Министр по делам школы коалиционного правительства разъяснял, что это многолетняя школьная традиция, что никакого принуждения посещать христианскую церковь не существует и нежелающие могут в этом не участвовать²⁴.

Однако омбудсмен по вопросам дискриминации принял иное решение и постановил, что церемония окончания школьного учебного года должна происходить в таком помещении и при участии таких ораторов, чтобы никто из учеников не чувствовал себя исключенным из школьного праздника²⁵.

Но по другому вопросу министру по делам школы удалось добиться принятия своего предложения. Дело в том, что начиная с осени 1994 г., когда в Швеции появилась первая мусульманская общеобразовательная начальная школа в Мальмё, их число постоянно увеличивается. Открываются все новые т.н. свободные школы, принадлежащие религиозным организациям и получающие средства на свою деятельность из-за рубежа, например из Саудовской Аравии. Эти школы работают по собственным программам. Так, их ученикам не разрешается слушать современную музыку, изучать религиоведение в объеме шведских школ, отсутствует, конечно, и сексуальное образование. Следует заметить, что социал-демократы, формировавшие правительство, и премьер-министр Ёран Персон были принципиальными противниками конфессиональных школ на том основании, что они усугубляют сегрегацию, но мирились с ними, подчиняясь европейской конвенции, обязывающей поддерживать их.

Теперь новым правительством Ф. Райнфельдта этим школам было предписано пересмотреть свои программы, приблизить их к шведской системе образования и впредь представлять свои программы для рассмотрения в соответствующие государственные учреждения Швеции²⁶.

Ассимиляция или сохранение собственной идентичности

Перед каждым иммигрантом стоит проблема: стремиться к ассимиляции или, сохраняя свою идентичность, оберегать границу между своей общиной и большинством населения страны. Ассимилироваться — значит не прояв-

лять своих культурных особенностей и присоединиться к культуре страны нового пребывания, чтобы избежать негативных последствий от принадлежности к меньшинству, «чужим», тем самым не требуя особого отношения.

Чаще ассимилируются мусульмане, прибывшие в Швецию из секуляризованных стран. Они нередко и на родине имели критический взгляд на ислам, им легче перейти границу между собственной культурой и шведской. Они часто сохраняют свои традиции, но только в быту.

Другая группа — дети, выросшие в мусульманских семьях в Швеции и здесь окончившие школу. Родителям огромными усилиями удается удерживать их в семейных традициях, тогда как эти молодые люди сами считают себя шведами. И только любовь к своим родителям заставляет их не порывать с традициями своих предков.

Третья группа — лица, отказавшиеся от своей мусульманской идентичности, традиций, демонстративно называющие себя шведами и живущие как шведы. В шведской культуре они видят свое будущее. Они нередко меняют свои имена и фамилии на шведские.

Но все эти три группы составляют меньшинство, а большинство все же не ассимилируется, а приспосабливается к жизни в Швеции, сохраняя свою идентичность. Это происходит — сознательно или бессознательно — благодаря укреплению контактов с другими мусульманами и попытками компенсировать другим способом свой вынужденный отход от традиций.

Это достигается разными способами: стремлением жить в одном районе со своими земляками, жениться и женить детей в своем кругу, младших членов семьи отдавать в детский сад и школу, где есть дети земляков или мусульман по крайней мере. В этом отношении совместная пятничная молитва имеет большое значение. То, что мусульмане сами изолируют себя, ограничиваясь рамками семьи и родственников, признают видные мусульманские лидеры. Например, Тарик Рамадан, известный профессор религиоведения и философии ряда европейских университетов, в июле 2006 г. проводил в стокгольмской мечети семинар для молодых мусульман, в ходе которого он призывал их к интеграции в шведское общество и лояльности к законам страны, гражданами которой они стали²⁷.

В целях сохранения своей идентичности многие сознательно отказываются от участия в традиционных христианских праздниках (и от еды, связанной в Швеции с праздниками Рождества, Пасхи и адвента). Это вызывает конфликт между родителями и детьми, которые, к примеру, хотят участвовать в декабрьских праздниках святой Люсии или Рождества вместе со всеми в школе

Подчеркивание своей мусульманской идентичности в частной жизни у этой части иммигрантов при встрече с другими мусульманами сильнее, чем это было на родине. Родители, особенно отцы, строго следят, чтобы дети не были «испорчены» шведской культурой, тогда как сами во многих случаях вынуждены приспосабливаться.

Важным фактором сохранения идентичности является брак, но брак с партнером со своей родины, например из Турции, а не с живущим(-ей) в Швеции, так как мусульмане, проживающие в Швеции, утрачивают некоторые свои качества, по мнению окружающих²⁸. Да и в целом влияние шведского образа жизни не проходит бесследно, это особенно заметно на положении женщин в общественной жизни. Например, председателем Мусульманского совета Швеции в первом десятилетии XXI в. стала женщина Хелена Бенауда (Benauoda), в Стокгольме есть женщина-имам Суад Мухаммед²⁹.

Позицию большинства своих соотечественников, таким образом, выразил председатель Всешведского союза турок Хайдар Акан: «Я не надеюсь, что мы или наши дети в будущем ассимилируемся. Но мы хотим приспособиться к жизни в Швеции, не отказываясь от нашей турецкой идентичности»³⁰.

Отношение к шведам и трудности адаптации

Из-за того, что у старшего поколения иммигрантов есть надежда когда-нибудь вернуться на родину, многие женщины из этой среды, по большей части домохозяйки, прожив здесь 10 и более лет, не знают языка и не общаются со шведами. Если они и ходят на языковые курсы, то больше из опасения потерять пособие. Шведы им кажутся аморальными безбожниками, безответственными, постоянно меняющими сексуальных партнеров. Своих детей они наставляют: «Не водись со шведами!»

Для подростка, прожившего 10–15 лет в Швеции, эта страна становится его единственной родиной, поскольку родину своих предков он знает только по рассказам родителей. Он оказывается «в тисках» двух культур: секуляризированной демократической Швеции, где ребенку с детства внушают его права и он наизусть знает номер телефона полиции, куда надо позвонить, если дома применяют физические меры воздействия, и традиционной исламской культурой с беспрекословным подчинением старшим, авторитетом отца и нередкими физическими наказаниями.

Молодое поколение хочет адаптироваться, но дома слышит постоянные предостережения, а если они не помогают, то нередко следует наказание. Тот из подростков, кто становится «похожим на шведа», может быть отправ-

лен на родину родителей — «на перевоспитание» в суровую религиозную школу, где его ждут жестокие наказания. А подростки девочек, пока они не стали «шведками», нередко отправляют на родину, чтобы пораньше выдать замуж. Нередки истории о молодых гражданах Швеции иммигрантского происхождения, которых родители изолируют от общества. Они шведские граждане, но не имеют права самостоятельно решать, как строить свою жизнь, и не пользуются свободой и правами человека. Социальные работники, готовые по первому сигналу помочь ребенку или подростку в случае конфликта в семье, не вмешиваются в том случае, если это иммигрантская семья, объясняя свою пассивность разностью культур. Тысячи детей и подростков в Швеции живут между двух культур, и нередко это приводит к человеческим трагедиям.

Встреча разных культур не всегда характеризуется взаимопониманием. В 1982 г. в Швеции был принят закон, запрещающий женское обрезание, поскольку оно наносит непоправимый ущерб девушке, опасно для здоровья и в тяжелых случаях может привести к смерти, а чаще — к хроническим заболеваниям. В 1999 г. в закон было внесено дополнение, поскольку новые граждане практически обходили этот запрет, совершая обряд обрезания при поездках в отпуск на родину. Отныне закон запрещал этот обряд, где бы он ни был совершен, и в 2006 г. впервые шведский суд вынес обвинительные заключения нескольким родителям, совершившим преступление вне территории Швеции по отношению к своим дочерям³¹.

Теме «представления иммигрантов о Швеции и шведах» посвящены многие научные статьи этнологов, основанные на социологических опросах, и опубликованные интервью. Мне довелось ознакомиться с большим количеством подобных публикаций³².

Опросы обычно проводятся среди людей, проживших в Швеции не менее 10 лет или родившихся здесь. Ответы поражают своей схожестью, и поэтому складывается впечатление о типичном, а не случайном явлении. Как правило, выражается негативный взгляд на шведов, но при этом высказывается позитивная оценка общественных порядков в стране.

Выборочные исследования свидетельствуют о том, что знания иммигрантов о стране и ее народе, среди которого им довелось жить, до приезда сюда были минимальными: обычно люди знали, что это холодная северная страна со столицей в Стокгольме, но путали со Швейцарией, в редчайших случаях слышали об Улофе Пальме и реализации социал-демократических идей. О нравственности шведов и особенно шведок были самые нелепые представления.

Мусульмане, прожившие здесь несколько лет, имели позитивный взгляд на страну. Их суммированный ответ на вопрос о представлении о Швеции теперь звучит так: это свободная и открытая страна, где можно осуществить свои планы и мечты, где возможно достойно жить³³.

На вопрос об отношении к шведам все опрошиваемые, как молодежь, так и лица средних лет, также отвечают примерно одинаково: шведы заносчивы и самодовольны, что друзей среди шведов у них нет, что единственные шведы, с кем они общаются, это школьные учителя и воспитатели детского сада, социальные кураторы, кассиры в магазине, почтальоны и полицейские, что они никогда не бывали в шведском доме и что все коренные жители этой страны смотрят на приезжих свысока, как на людей другой, низшей, культуры³⁴. Мне уже приходилось писать о том, что восприятие шведов иммигрантами необъективно, оно вызвано незнанием шведской культуры, манеры их общения, в частности сдержанности в общении с незнакомыми людьми и т.п.³⁵ Но в данном случае не это имеет значения, поскольку речь идет о восприятии иммигрантом шведов и его самоощущении среди них.

Вместе с тем, если посмотреть на образ жизни мусульманских диаспор, то можно заметить различия, в том числе и по отношению к шведам. Так, большинство турецких семей, выходцев из сельскохозяйственных регионов и по большей части без всякого образования, имеют минимальные контакты со шведами и не стремятся к их расширению. Они предпочитают жить в окружении своих земляков, с которыми поддерживают тесные связи.

Другие же, например иранцы, по большей части представители городского среднего класса и интеллигенции, активно ищут возможности переехать из иммигрантского района и поселиться среди шведов, они стремятся установить дружеские связи со шведским окружением.

У каждого иммигранта есть свой негативный личный опыт. Почти все сетуют на то, что тяжело постоянно слышать, как тебя называют инвандраге, чужаком или черноголовым. Девочки, носящие головной платок, жалуются, что слышат насмешки и издевательства в школе. Многие говорят о своем ощущении, что шведы сторонятся иммигрантов, например, в автобусе, если есть свободное место, то швед никогда не сядет рядом с африканцем или азиатом, хотя многие из них родились в Швеции и чувствуют себя шведами³⁶.

Общее мнение иммигрантов о дискриминации при приеме на работу и найме жилья подтверждают недавно проведенные опыты, поставленные исследователями из университета в Векшё. Лицам с арабскими/мусульманскими именами отказывают значительно чаще, чем лицам со шведскими

именами и фамилиями³⁷. Кстати, это одна из причин того, что не менее 1200 человек в год меняют свои имена на шведские.

Тем не менее мало кто из иммигрантов уезжает в третьи страны или возвращается на родину. Большинство турок, например, а это в основном трудовая иммиграция, рассчитывает поработать несколько лет, скопить денег и вернуться на родину. По крайней мере, 60 % рассчитывает на это первоначально³⁸. Но со временем отъезд откладывается на неопределенное время. Основная причина — различие уровня жизни в Турции и Швеции. Все, в том числе и критикующие шведское общество, признают, что жизнь здесь лучше, чем на родине. Дети, выросшие в Швеции, не говоря уже о детях от смешанных браков турок со шведами, решительно против возвращения на родину предков. Женщины также высоко ценят обретенные ими в Швеции права, в том числе возможность распоряжаться собственным заработком, а главное — разведенная женщина не становится изгоем в своей среде, не теряет уважения в глазах окружающих, и развод для нее не катастрофа всей жизни, она не теряет родительских прав и может воспитывать своих детей сама, независимо от родственников. Кроме того, женщины позитивно смотрят на то, что здесь можно не стыдиться своего тела и не прятать его.

Большинство лиц, эмигрировавших из сельских районов, говорят о чувстве отчужденности, переживаемом ими при посещении родины, где они ощущают себя посторонними. Здесь на них уже смотрят, как на чужаков. Они разбогатели (по сравнению с местными жителями) и ведут себя как богатые европейцы, по мнению местного населения. Им все тут стало чужим, и не хватает шведских условий жизни, шведского комфорта и порядка, они хотят скорее вернуться домой, в Швецию. Изменился их взгляд на патриархальную семью, женщины привыкли к большей свободе, да и мужчины вызывают удивление своей готовностью помогать в домашней работе. Таким образом, если в Швеции их называют «проклятые черноголовые», то на родине — «проклятые шведы». По словам одного из опрошиваемых, «мы, турки, которые эмигрировали, не знаем, кто же мы, собственно говоря. Мы живем в Швеции, но не являемся ни шведами, ни турками»³⁹.

Швеция — возможно, единственная страна, где официально говорят о втором поколении иммигрантов, имея в виду детей, рожденных и выросших в Швеции. Это дети, выросшие в сегрегированных пригородах больших городов, учившиеся или окончившие школу, имеющие контакты со шведами и не желающие жить так, как поколение их родителей. Но маргинализация остается: образование у них лучше, чем у родителей, но хуже, чем у шведов, они имеют хорошие отношения со шведами в том окружении, где они вра-

щаются. У них есть шведские друзья, с которыми они вместе занимаются спортом и проводят свободное время и т.д. Но у каждого есть свой опыт если не враждебного, то отчужденного отношения к иммигранту, проявленный шведом. Рано или поздно ему придется услышать, что он не настоящий швед. Это может быть даже выражено говорящим в виде похвалы: «Ты такой хороший (воспитанный, умный, интеллигентный) человек, совсем как швед» Этот опыт говорит им, что они никогда не смогут вступить в общество большинства на правах его полноправных членов.

Парадоксально, но родители из-за недостатка знания языка менее ощущали высокомерие коренных шведов. Они не чувствовали иронии или каких-либо двусмысленностей, высказанных в адрес иммигрантов, которые чувствуют люди, выросшие здесь, т.е. хорошо знающие язык, они понимают не высказанную напрямую, скрытую неприязнь. Поэтому и отношение к шведам у второго поколения иммигрантов нередко более негативное, чем у иммигрантов старшего поколения.

Проблемы мусульманской семьи в Швеции

Большинство иммигрантов-мусульман в Швеции — выходцы из сельских регионов, где большая патриархальная семья играет огромную роль в социальных связях. Здесь положение человека в обществе определяется его положением в семье. Все члены семьи, кто не может сам себя обеспечивать, т.е. женщины, дети, старики, инвалиды, имеют право на обеспечение. Старшему поколению принадлежит решающий голос. Семья — гарант общественной морали. Сексуальные отношения вне брака строго караются. Эти правила рассматриваются как защита интересов женщин и детей. Родовые связи очень прочны, отец и братья — более близкие родственники, чем муж. Муж несет экономическую ответственность за семью, и соответственно он обладает родительскими правами. Женщина обязана подчиняться мужу, родить ему детей и обихаживать их. Поэтому, с точки зрения мусульманина, вопрос о равенстве между полами бессмыслен. Нарушение женщиной традиции семейных отношений рассматривается как выступление против ислама.

Само переселение с родины означает разрыв связей, семья оказывается вырванной из своей естественной среды. Часто старшее поколение остается на родине, а если и нет, то в новых условиях оно все равно утрачивает свой престиж. Семейная жизнь в западноевропейской стране кажется им аморальной и менее ценимой. Поэтому некоторые мужчины приезжают на заработки без семьи. Западное общество, по мнению мусульман, «вытя-

гивает» женщину из семьи. Большинство приехавших мусульманок, женщин и девушек, идут работать. Это изменение образа жизни находится в противоречии с нормами Корана и традициями, на которых основывается семья.

У тех женщин, которые остаются дома с детьми, положение осложняется: они оказываются в полной изоляции, родственников поблизости нет, общение с соседями невозможно из-за незнания языка. Вскоре оказывается, что дети знают шведский язык намного лучше матерей и могут быть переводчиками при обращении к врачу или в социальное управление. Но для общения с собственными детьми эта языковая недостаточность оказывается препятствием.

Но, возможно, больше остальных членов семьи изменилось положение мужа и отца. Он утратил свою традиционную роль опоры и кормильца. Он также вынужден учить язык, что его детям удастся гораздо легче. Нередко жена имеет работу, а он безработный. Мужчина-иммигрант труднее выкарабкивается к своей роли, чем женщина, тем более что он утрачивает свой авторитет внутри семьи. У женщины, по крайней мере, остались прежними ее занятия по дому, пока дети не выросли.

Мусульмане стремятся сохранить свои традиции, живя в Швеции. Но женщины-мусульманки хотят заимствовать кое-что из шведского образа жизни, в частности равные права супругов и более высокий статус женщины в семье.

Традиционная система воспитания детей в мусульманской семье также испытывает большие трудности. Уже в детском саду ребенок вынужден выбирать между ценностями, прививаемыми в домашнем быту, и воспитываемыми в шведском детском саду. Большие надежды долгое время возлагались на учителей родного языка, которые, как представлялось родителям детей и шведским законодателям, должны были прививать вместе с языком и знание обычаев и традиций своего народа. Но в последние годы все чаще слышатся упреки со стороны исследователей и части этих уже выросших детей, которые считают, что уроки родного языка в школе и детском саду тормозят процесс адаптации и что лучше бы их учили дополнительно шведскому языку, который отсутствовал у них дома.

В школьные годы конфликт между ценностями, воспитываемыми семьей, и общественными представлениями, усугубляется. Патриархальная семья прививает послушание отцу и его авторитет, он принимает решение за всех членов семьи, за все расходы каждого члена семьи, ему отдаются все заработанные членами семьи деньги, в том числе в каникулы.

В шведской семье ребенка с раннего возраста приучают к самостоятельности и ответственности. Он уже в дошкольном возрасте учится распоряжаться карманными деньгами, получаемыми от родителей. Т.е. ребенок тренируется быть самостоятельным и, заканчивая школу, гимназию, нередко покидает родительский дом, хотя у него еще долго не будет собственной семьи. В отличие от самостоятельной молодой шведской семьи, у молодой турецкой семьи, например, все важные решения принимают родители. Примеров такого несоответствия традиций патриархальной семьи и образа жизни человека современного западного общества можно привести множество.

Молодежь из мусульманских семей хочет вырваться из плена традиционных представлений, перенимает образ жизни молодых шведов. Подростки нередко ведут двойную жизнь: одна одежда и соответственно манера поведения для школы и встреч с друзьями, другая — в кругу семьи и родственников. Девушки-мусульманки в европейских странах не хотят мириться с тем, что жениха им выбирают родители.

Таким образом, все основные традиции мусульманской семьи расшатываются, разрушаются, что нередко ведет к человеческим трагедиям.

В начале XXI в. в шведском академическом словаре появилось новое слово — *hedersmord*, определяемое как «убийство женщины, которая, как считается, запятнала семейную честь». Исследователи считают, что здесь следует говорить о насилии, прикрываемом понятием защиты чести. Дело в том, что в 1999 и 2002 гг. в Швеции в двух мусульманских семьях произошли сходные события, потрясшие общество: отец и братья убили дочь и сестру, которые хотели жить не по законам Корана, а по современным европейским нормам и самостоятельно решать свою судьбу. Социальное управление считает, что в Швеции в 2001–2010 гг. можно выявить не менее 1,5–2 тыс. женщин и девушек, которым грозило насилие, прикрываемое понятием чести⁴⁰. Кроме того, существует мнение, что далеко не все случаи (может быть, не столь страшные, как убийство) попадают в поле зрения общественности.

Отношение шведов к мусульманам

Появление в конце 1940-х гг. первых групп рабочих-мусульман было встречено шведской прессой с позитивным интересом, их рассматривали как некое неизвестное явление. Одновременно как данность присут-

ствовала мысль, что те, кто приехал, всегда мечтали оказаться здесь и со шведской стороны это своего рода благотворительность по отношению к приезжим.

В 1970–1980-е гг. общий тон прессы изменился. Большинство публикаций и репортажей повествовали о том, как люди безуспешно пытались получить вид на жительство и им грозила высылка за незаконный въезд. Обсуждалась необходимость более жесткого законодательства, и выяснялось то, что еще должна сделать полиция, чтобы предотвратить приток нелегальных иммигрантов. В Швеции проходили кампании по их высылке, одновременно укреплялось движение помощи беженцам и распространялись настроения солидарности. В церковных приходах появились группы помощи детям и женщинам из иммигрантских семей, общественность организовала гуманитарную и медицинскую помощь иммигрантам, ушедшим в подполье, т.е. тем, кто прибыл нелегально или не подчинился решению властей о высылке и скрылся от полиции. Одновременно укрепились националистические движения и даже появились партии, выдвигавшие лозунг: «Швеция для шведов».

Журналистское сообщество активно ставит вопрос о том, должны ли средства массовой информации говорить правду об иммиграции. Ведь уровень криминальности в Швеции вырос (известная тюрьма в г. Кумла на 75 % заполнена иммигрантами), а средства массовой информации, проявляя политкорректность, никогда не говорят о том, что криминальные события связаны с разборками иммигрантских групп или с преступлениями, совершенными иммигрантами. Эти вопросы журналисты поднимают в своей среде, на семинарах, но не в печати.

Вместе с тем рядовой швед хочет знать: если основанием для укоренения мусульман в Швеции является закон о свободе религиозной деятельности, то как соотносить этот закон с исламским законом о наказании смертной казнью человека, перешедшего из ислама в другую религию. Должны ли люди, не признающие веротерпимости, сами пользоваться этим законом? Этот швед считает, что если они хотят пользоваться этим законом, то сами должны следовать Декларации ООН о правах человека.

Шведы задают и другие вопросы относительно мусульманской общины в своей стране: какие права имеет женщина-мусульманка и как эти права соотносить со шведскими законами? Если мусульмане считают Коран выше государственных законов, то могут ли они в таком случае быть гражданами Швеции? Письма с подобными рассуждениями можно встретить на страницах как религиозных, так и массовых изданий страны. Характерно, что эти

вопросы почти никогда не ставят конкретные публицисты или политики, они публикуются обычно как письма отдельных читателей⁴¹.

Верующие не раз задавали вопрос, как христианину следует относиться к кампаниям помощи религиозным общинам иных исповеданий, в частности к мусульманам, проводимым общественными и религиозными организациями Швеции? Не противоречит ли это призванию христианина свидетельствовать о Христе? Этот вопрос актуализировался всякий раз, когда приходы шведской церкви начинали кампанию по сбору средств после очередного нападения или поджога мечети, как это было в 1993 г. в Трольхеттане.

Надо отметить, что большинство религиозных изданий, и в первую очередь *Kyrkans tidning* и *Sändaren*, не уклоняется от непростого вопроса. Они объясняют своим читателям, что свобода религиозной деятельности в стране не может распространяться на одни общины, а на другие — нет, что фундаменталистские течения имеются во всех религиях, что в течение многих лет ислам был чужд шведам, что СМИ часто связывают террористические акции с исламом, в то же время мало информируя читателей о жизни обычных, умеренных мусульман, их социальных отношениях и т.п.⁴²

Отношение многих шведов к носителям иных культурных ценностей, нередко демонстрирующим презрение к шведским законам и обычаям, выразил на страницах массовой газеты *Aftonbladet* известный колумнист и автор популярной истории Швеции Херман Линдквист. Он, как и многие другие шведы, считает, что общество должно потребовать от тех, кто хочет жить в Швеции, признавать законы и обычаи общества той страны, куда они прибыли. До получения вида на жительство иммигрант, по его мнению, должен пройти тест на элементарные знания о шведском обществе и языке. «Мы должны выдвигать требования. Это наша страна и культура. И мы должны хранить их, и никто другой этого не сделает»⁴³.

Шведские этнологи, рассматривая причины неудач адаптации в Швеции больших групп иммигрантов, нередко обращают внимание на некоторые особенности шведского характера, затрудняющие этот процесс. Известный профессор О. Даун неоднократно обращался к этой проблеме⁴⁴.

Вместе с тем ни в научных трудах, ни в популярных изданиях или статьях в периодике шведы никогда не затрагивают причин тех трудностей адаптации, которые проистекают из особенностей другой стороны. И только в случае, если критика исходит из уст представителя мусульманского со-

общества, журналисты публикуют ее как прямую речь. Так, в конце 2005 г. массовая газета Svenska Dagbladet опубликовала серию статей шведского журналиста Пера Бринкему, взявшего интервью у тележурналиста и антрополога, сомалийца по происхождению, Самме Богада, и у другого выходца из исламского мира, иранского курда, живущего 20 лет в Швеции, представленного по имени Сулейман Г.⁴⁵

Оба респондента считают, что шведское общество излишне толерантно, что оно должно активнее реагировать на случаи насилия в мусульманской семье, а не оставаться равнодушным к явным нарушениям прав ребенка, и критикуют своих единоверцев за нежелание и неспособность войти в шведское общество. Они подчеркивают, что старшее поколение иммигрантов, лелеющее мечту когда-нибудь вернуться на свою родину, романтизирует ее и настраивает детей на временность их пребывания здесь, а это плохая предпосылка для интеграции. Оба респондента считают, что религиозная принадлежность их соотечественников препятствует интеграции, а шведам свойственно «наивное уважение к религии», которое в конечном счете ведет к нарушению прав тысяч молодых людей, и не скрывая говорят о «несовместимости исламских представлений с образом жизни людей в современной Швеции»⁴⁶.

***

Уже с 1980-х гг. проблема взаимоотношений христиан и мусульман активно обсуждалась в приходах Шведской церкви и свободных церквей. Ислам становился частью общественной жизни Швеции, между тем население, в том числе и верующие христиане, имели смутное представление о новых согражданах.

Приходская работа церкви с иммигрантами обычно начинается с помощи им в овладении шведским языком. Это особенно важно для женщин, имеющих маленьких детей, которым по этой причине трудно заниматься на коммунальных курсах. А в приходе на время занятий матери могут оставить своих детей на попечение добровольных педагогов. Но языковыми занятиями обычно дело не ограничивается. Постепенно, знакомясь с людьми, прихожане вовлекаются в оказание разнообразной помощи, в которой нуждаются приезжие. Это установление контактов с представителями власти, адвокатами, медицинским персоналом, а иногда и предоставление убежища тем, кому грозит высылка.

Многие приходы и епископства Шведской церкви вступают в диалог с местными мусульманскими объединениями, часто за этим следуют взаимные приглашения на совместные молитвы и для ознакомления с обрядами и ритуалами друг друга. Для более близкого знакомства людей, принадлежащих разным исповеданиям, но живущих поблизости, приход организует вечера национальной кухни, которые способствуют знакомству и установлению контактов между жителями одного района.

Проводятся совместные семинары и конференции с участием религиозных лидеров мусульманских и христианских объединений, которые обсуждают проблемы интеграции и возможности религиозных общин в облегчении этого процесса. Причем подобную работу, направленную против всех форм дискриминации и изолированности от общественной жизни новых шведов, ведут приходы даже самых малых общин страны, входящих в Христианский совет Швеции. Необходимость углубления диалога между христианами и мусульманами Швеции выдвигалась на Церковном соборе Шведской церкви в сентябре 2006 г. в качестве необходимой меры по предотвращению возможного взаимного непонимания, подобного печально известному датскому карикатурному скандалу⁴⁷.

Таким образом, шведское общество не осталось безучастным к жизни мусульман. Об этом также свидетельствует большое количество научной и популярной литературы по исламу, его истории, современному толкованию и жизни отдельных диаспор, изданной в стране в последние десятилетия⁴⁸.

В последние годы растет интерес молодежи к изучению исламологии. Например, в Лундском университете в 2000 г. было 7 студентов, изучающих этот предмет, а в 2005-м — уже 111⁴⁹.

В начале нового десятилетия просветительский союз Sensus⁵⁰ начал сотрудничество с Исламским просветительским союзом Ибн Рушд с целью способствовать достижению взаимопонимания между христианами и мусульманами Швеции путем знакомства, изучения и понимания друг друга. Совместная деятельность этих организаций обращена как к шведам, так и к мусульманам и предполагает издание научно-популярной литературы, проведение семинаров, направленных на более углубленное знание друг о друге, религиозных и культурных традициях и подготовку активистов-руководителей кружковых занятий⁵¹.

Таким образом, трудности адаптации мусульманского населения в Швеции остаются, но они осознаются общественными и политическими организациями, религиозными общинами, которые участвуют в их преодолении.

***

- ¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 08–01–00457а.
- ² Det religiösa Sverige. Gudstjänst- och andaktsliv under ett veckoslut kring millenieskiftet / red. M. Skog. Örebro, 2001. S. 143; Sändaren. 7.11.1996; Kyrkans tidning. 9–15.11.2006.
- ³ Dagens nyheter. 6.12.1994.
- ⁴ Sändaren. 10.10.1996.
- ⁵ *Berg Magnus*. Seldas andra bröllop. Berättelser om hur det är: turkiska andragenerationsinvandrare, identitet, etnicitet, modernitet, etnologi. Göteborg, 1994. S. 84–85.
- ⁶ Sändaren. 26.10.1995.
- ⁷ *Ståhl Bo R.* Invandrarkyrkor i Sverige — kort information // Religionssociologiska institutet. Smärre meddelanden. 1975:6. S. 6.
- ⁸ Швеция. Конституция и законодательные акты. М., 1983. С. 27.
- ⁹ Kyrkans tidning. 2–8.02.2006.
- ¹⁰ Sändaren. 4.12.2003.
- ¹¹ Ibid. 9–15.11.2006.
- ¹² Muslim i Sverige. En undersökning av islamiskt livsmönster i Sverige // Forskningsrapport № 158–159 (1980: 6–7). Religionssociologiska institutet. Stockholm, 1989. S. 22.
- ¹³ Ibid. S. 24.
- ¹⁴ Kyrkans tidning. 23.06.
- ¹⁵ Ibid. 6–12.10.2005; 3–8.03.2006.
- ¹⁶ Svenska dagbladet. 29.11.2005.
- ¹⁷ Sändaren. 8.02.2007.
- ¹⁸ Цит по: Kyrkans tidning. 24–30.08.2006.
- ¹⁹ Kyrkans tidning. 2–8.02.2006.
- ²⁰ Kyrkans tidning. 15.11.1990.
- ²¹ Sändaren. 7.11.1996; Kyrkans tidning. 15–28.06.2006.
- ²² Kyrkans tidning. 23.06–07.2005; 19–25.01.2006.
- ²³ *Järtelius A.* Mångkulturens Sverige. [Stockholm], 1995. S. 98–99.
- ²⁴ Kyrkans tidning. 16–22, 23–29.11.2006.
- ²⁵ Ibid. 4–10.01.2007.
- ²⁶ Ibid. 23–29.11.2006.
- ²⁷ Kyrkans tidning. 13–26.06.2006.
- ²⁸ Вместе с тем невесты, живущие в Швеции, имеют особую привлекательность, и выкуп за них значительно больший, так как такая невеста, пусть даже разведенная, бездетная или потерявшая невинность, дает возможность жениху получить «золотой паспорт», т.е. вид на жительство в Швеции.
- ²⁹ Kyrkans tidning. 14–20.09.2006.
- ³⁰ *Andersson Christoph.* Om turkar. Värnamo, 1986. S. 184.
- ³¹ Ibid. 15–28.06; 29.6–12.07; 27.07–09.08. 2006.
- ³² *Liljeroth L., Rojas M.* Svenska främlingar. Att älska Sverige med dess fel och brister. Om invandrare och deras möjligheter. 1997. S. I; Svartskallar. Så funkar vi. Uppsala, 2003.
- ³³ *Nasser Namdar.* På vägen till Sverige. Sju sälsamma berättelser om sju iranska flyktingar. Stockholm, 1999. S. 29–107.

³⁴ *Nalin Baksi*. Mot ett rättvist mångkulturellt samhälle // Alla vi svenskar / red. Å. Daun och Barbro Klein. Fataburen, 1996. S. 19–20.

³⁵ *Чернышева О.В.* Шведы в представлении иммигрантов // Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006. С. 243–251.

³⁶ Svartskallar... S. 18, 24–25.

³⁷ Svenska dagbladet. 18.03.2007.

³⁸ *Alpay Sahin*. Turkar i Stockholm. Stockholm, 1980. S. 133–134.

³⁹ *Andersson Ch.* Om turkar. S. 201.

⁴⁰ Kyrkans tidning. 23–29.11.2006.

⁴¹ Svenska dagbladet. 19.09.1993; Dagens nyheter. 10.10.1993.

⁴² Sändaren. 09.09.1993.

⁴³ Aftonbladet. 16.02.1997.

⁴⁴ *Daun Å.* Svenskhet som hinder i kulturmötet // Blandsverige. Om kulturskillnader och kulturmöten. Red Åke Daun och Billy Ehn. Stockholm, 1993; *Idem.* Självgodhet och hemmablindhet är de sämsta med svenskarna // Och vi som ville så väl... 19 röster om det mångkulturella Sverige / Red. H. Nestius. Stockholm, 1996; *Idem.* En styga på sjätte våningen. Svensk mentalitet i en mångkulturell värld. Stockholm, 2005.

⁴⁵ Svenska Dagblad. 29, 30.11.2005

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Kyrkans tidning. 14–20.09.2006.

⁴⁸ *Eyrumlu Reza*. Turkar möter Sverige. En studie om turkisktalande elevers skolgång i Göteborg. Sockholm, 1992; *Idem.* Iranier möter Sverige. Stockholm, 1997.

⁴⁹ Kyrkans tidning. 16.02.2005.

⁵⁰ Сенсус (Sensus) образован в 2002 г. из слияния нескольких просветительских союзов, существовавших ранее, в том числе двух христианских.

⁵¹ Kyrkans tidning. 16–22.03.2006; Sändaren. 13.07.2006.

P.S. В сборнике «Скандинавские чтения 2004 г.» в статье О. Чернышевой «Шведы в представлении иммигрантов» была допущена опечатка: на с. 249 вместо «человек-инвалид» следует читать «человек-индивид».